

Тарле Евгений Викторович.

Крымская война

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Викторович. Т.**
Крымская война / Тарле Евгений Викторович. – М.: Книга по Требованию,
2022. – 648 с.

ISBN 978-5-519-76310-3

ISBN 978-5-519-76310-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствий — все это ясно говорит не только о непреклонном, бесповоротном решении сломить презренную банду, но и о решимости обезопасить человечество от каких-либо ее попыток снова вернуться к власти. Ни для кого в Европе не тайна, что Уинстон Черчилль давно уже (задолго до войны) говорил о желательности одновременного сближения с Москвой не только Лондона, но и Вашингтона. И летом 1942 г. он способствовал полной реализации этой программы.

Бисмарк говорил в середине девяностых годов XIX в., уже будучи в отставке, задва года до смерти, что «главным благом» для германской политики является дипломатическое недружелюбие Англии и России. Маститый немецкий хищник, однако, ошибся, думая, что это «главное благо» будет «благом» вечным. Он не дожил до наших великих, решающих дней, когда с Советским Союзом тесно сплотились в единый дружный союз Англия, Соединенные Штаты Америки, все свободолюбивые народы.

Когда я кончал работу над своим исследованием, мне вспоминались слова, сказанные в Лондоне в апреле 1913 г. на одном частном банкете, на котором встретились английские историки с русскими, приехавшими тогда на всемирный исторический конгресс. Кажется, высказал эту мысль именно Эшли, один из выдающихся современных английских историков. «Всякий раз в истории, — сказал он, — когда обострялась вражда между Англией и Россией, это шло неизменно во вред этим обеим державам и всегда, без единого исключения, на пользу самого опасного из всех возможных врагов Англии и России, то есть на пользу Германии». Оратор имел в виду тогда вильгельмовскую Германию, «вторую империю», созданную Бисмарком.

А ведь эта «вторая империя», — прямым продолжением и естественным завершением которой безусловно явилась гитлеровская «третья империя», — только и могла возникнуть на дипломатической почве, уготовленной событиями 1853—1856 гг. Седан явился отдаленным последствием Севастополя. Английский ученый вспоминал тогда именно о Крымской войне, требуя нелицеприятно строгого анализа и объективного научного суда над былыми ошибками и дипломатов и правителей всех без исключения воевавших тогда держав. Сохранить должное спокойствие и беспристрастие в данном случае тем легче, что уже все-таки девяносто лет отделяют нас от этого рокового конфликта.

Между известнейшими английскими учеными и советскими историками сейчас нет никаких принципиальных разногласий в основных воззрениях на дипломатическую борьбу, приведшую к Крымской катастрофе. Убийственные ошибки, непростительная опрометчивость и гибельные просчеты Николая I, а также ответные действия тогдашней западноевропейской дипломатии (уже тогда подвергавшиеся очень решительной, часто крайне резкой критике со стороны таких замечательных людей и искренних английских патриотов, как Джон Брайт, Ричард Кобден и вся их группа), — все это позволило Наполеону III достигнуть желанной цели — предупредить возможность возникновения коалиции великих держав, враждебной его династии, столкнув их на восточном вопросе. Все это, как известно, привело к продолжительному упорному бою, во время которого три великие нации — Россия, Англия, Франция обильно проливали свою кровь и ослабляли себя. А по мере их ослабления и дальнейших, сделавшихся уже неизбежными дипломатических осложнений и раздоров усиливались Италия и Пруссия, на пользу которых, в конечном счете, и пошла Крымская война, если принять во внимание все ее последствия — как близкие, так и отдаленные.

И теперь, в наше время, пародия на Юлия Цезаря — итальянский проходимец Муссолини заявлял всенародно, что он изгонит англичан из Египта и что «Средиземное море есть итальянское озеро», а карикатура на Наполеона — полуграмотный немецкий ефрейтор Гитлер провозглашал, что он «разделается со столицей Москвой», после чего немедленно покончит и со «столицей Лондоном». И вполне поэтому естественно, что в гитлеровских учебниках истории Крымская война давно уже была признана явлением очень полезным и положительным: «варвары, неполноценные и вырождающиеся», все эти русские, англичане, французы резали и ослабляли друг друга, а «здоровая в самой своей основе», «*kerngesund*», северная германская «высшая раса» накапливала силы и с радостью наблюдала, как ее потенциальные будущие противники исходят кровью в яростной борьбе.

Для нас, для англичан, для несчастной Франции Крымская война стала великим, очень дорогим уроком. И надо отдать справедливость новейшей английской историографии

именно в том, что еще задолго до нынешней, второй мировой войны ее лучшие и наиболее авторитетные представители — Гуч, Сэттон Уатсон и другие стали высказываться за необходимость подробного, вполне беспристрастного научного изучения истории дипломатии. В связи с этим надо отметить очень характерное явление — заметное оживление интереса именно к истории Крымской войны. Этот интерес, это изучение выявляют, среди каких прикрытых (и тем более опасных) пропастей движется новейшая дипломатия и как трудно поправимы бывают ее ошибки, чреватые неисчислимыми кровавыми последствиями.

Если именно сейчас нет и не может быть никакой принципиальной разницы между нашими и английскими воззрениями на историческую ненужность кровавого разрешения дипломатического конфликта, возникшего в 1853 г., то подавно ни малейших противоречий нет между той оценкой, которую и мы, и англичане, и французские историки дают тем павшим воинам боровшихся наций, которые вместе покоятся в братских могилах на берегах Черного моря.

Англичане, впрочем, и не ждали нынешних событий, чтобы выразить свой восторг перед подвигами Нахимовых, Корниловых, Истоминых и их матросов и солдат. Например, участник и самый ранний из историков Крымской войны, адъютант и друг главнокомандующего лорда Раглана сэр Чарльз Кинглэк в своем восьмитомном труде говорит о русских героях с таким нескрываемым восхищением, какое было бы в пору даже самому пламенному русскому патриоту. И этот тон теперь стал в Англии прямо господствующим.

В годовщину Великой отечественной войны, 22 июня 1942 г., английский губернатор острова Мальта послал телеграмму защитникам Севастополя и в этой телеграмме восторгается тем, что советская армия и флот «прибавляют новые лавры к историческим лаврам Севастополя». Английская пресса не переставала в 1941—1942 гг. восхищаться «внуками севастопольских героев, достойными своих великих дедов...»

Некоторые основные главы моей работы, появившиеся в 1939—1941 гг. в печати,¹ частично уже переведены на

¹ Введение к первой части, напечатанное в журнале «Большевик» за 1940 г. первая глава, напечатанная в «Красной нови» за декабрь 1940 г.

английский язык. В настоящее время в США приступлено к изданию полного перевода первого тома «Крымской войны». Это — одно из проявлений характерного стремления наших союзников к культурному сближению с советской наукой и общественностью, в частности, к ознакомлению с советской исторической наукой, с ее установками и использованными ею архивными богатствами, которые наше правительство с такой готовностью и широкой щедростью предоставляет в распоряжение исследователей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

А Л Ь М А

I

Нахимов и с ним весь Черноморский флот следили с напряженным вниманием за первым актом начинающейся трагедии, за Парижем и Лондоном, за вступлением русских войск в Молдавию и Валахию, за войной на Дунае, за первым торжеством русского наступления и за последующими неудачами на Дунае. Они пока еще были зрителями и с беспокойством думали о сцене, на которой им суждено было выступить в качестве главных действующих лиц.

Много черных дум было некоторыми из них передумано и отчасти высказано и после Синопа, и после прохода союзных эскадр через Босфор в Черное море в январе 1854 г., и после зловещей последней переписки Наполеона III и Николая I в январе—феврале 1854 г., и после бомбардировки Одессы в апреле, и после снятия осады с Силистрии в июне. С каждым днем нарастала грозная туча именно над Севастополем, с каждым месяцем становилось все более ясно, что именно на юге Крыма, а не в каком-либо другом месте произойдет решающая схватка между Россией и враждебной ей коалицией Франции, Англии, Турции.

Утром 1 (13) сентября 1854 г. телеграф сообщил Меншикову, что огромный флот направляется непосредственно к Севастополю.

Нахимов и Корнилов с вышки морской библиотеки увидели в отдалении несметную массу судов. Сосчитать их издали в точности было невозможно. В действительности их оказалось, не считая более мелких, около 360 вымпе-

лов. Это были военные суда (парусные и паровые) и транспорты с армией, артиллерией и обозом. Вся эта огромная масса была окутана туманом и дымом. Она шла к Евпатории. Нахимов и Корнилов долго глядели на эту медленно проходившую, еле видную, далекую, темнеющую в тумане громаду в подзорные трубы. Им обоим она несла славу и гибель.

* * *

Историческая роль матросов и солдат и многих из рядового офицерства и тех единичных личностей в командном составе, какими явились Корнилов, Нахимов, Истомин, Тотлебен, Хрулев, Хрушов, Васильчиков, может быть определена так. Эти люди были брошены в полном смысле слова на произвол судьбы сначала без верховного руководства вовсе, потом при таком верховном руководстве, которое делало одну за другой ряд грубейших ошибок. Мало того. У них не только не было искусного командования, но не было ни правильного и достаточного снабжения боеприпасами, ни сколько-нибудь честно, нормально и, главное, организовано поставленной доставки пищевых продуктов, ни достаточной обеспеченности лекарствами и медицинской помощью, потому что и Пирогов, и Гюббенет, и самоотверженные сестры милосердия так же точно зависели во многом и самом важном от тыла, как — в своей области — и Нахимовы, Корниловы и Тотлебены, а тыл одинаково мало был способен помочь севастопольским защитникам и на бастионах и в лазаретах.

Эти люди, поставленные в такое истинно отчаянное положение, создали вместе со своими матросами и солдатами великую севастопольскую эпопею, затмившую все исторические осады, они создали то, своего рода историческое, чудо, которое даже во враждебной печати стали именовать (уже после окончания войны) «русской Троей», вспоминая эпическую осаду, воспетую в гомеровской «Илиаде». Даже самым строгим образом ограничивая свою задачу, тот, кто пытается дать сколько-нибудь реальное представление об этих людях, непременно должен напомнить и о совсем других, о деятелях, стоявших на самой вершине военной иерархии. Ограничимся самыми краткими словами хотя бы о двух, от которых непо-

средственно зависела судьба Севастополя со всеми его Нахимовыми, Корниловыми и Тотлебенами. Об императоре Николае, о Нессельроде, о М. Горчакове, о Паскевиче речь идет в других главах. Здесь пока коснемся лишь главнокомандующего Крымской армией и Черноморским флотом князя Меншикова и военного министра князя В. А. Долгорукова, который долгое время был пред тем помощником военного министра А. И. Чернышева.

Меншиков был взыскан всеми милостями, пользовался неизменно благоволением Николая, обладал колоссальным богатством и занимал в придворной и государственной жизни совсем особое место. Он был очень образованным человеком и не только по сравнению с придворными и сановниками Николая Павловича, но и безотнositельно. Читал он книги на разных языках, обладал громадной библиотекой в тридцать тысяч томов на всех европейских языках. Он был умен и злоречив. По своему положению он, примерно с сорокалетнего возраста, ни в ком не нуждался, кроме, конечно, самого царя. Метил он в своих карьеристских помыслах так далеко, что, когда ему однажды предложили быть русским посланником в Саксонии, он возмутился таким, по его мнению, унижительным для него предложением и вышел временно в отставку. Личной храбростью он, бесспорно, обладал и на войне 1828—1829 гг. был тяжело ранен.

В 1829 г. Николай, буквально ни с того, ни с сего, сделал его начальником Главного морского штаба, хотя князь Александр Сергеевич никогда нигде не плавал и лишь чисто любительски интересовался морским делом. Из начальника штаба он превратился очень скоро фактически, если не по титулу, в морского министра, одновременно стал еще и финляндским генерал-губернатором, хотя Финляндию знал еще меньше, если это только возможно, чем морское дело. В 1853 г. своим вызывающим поведением в качестве чрезвычайного посла в Константинополе он сыграл, не ведая и не желая того, в руку Пальмерстону и Стрэтфорду-Рэдклифу и ускорил взрыв войны с Турцией. А затем и был назначен главнокомандующим Крымской армией и Черноморским флотом с оставлением во всех прежних должностях, вплоть до финляндского генерал-губернаторства. Он без колебаний и сомнений проходил свой блестящий жизненный путь, беря все долж-

ности, которые ему предлагались, конечно, если эти должности принадлежали к числу наивысших и почетнейших в государстве.

Он был циник и скептик, откровенно презирал своих коллег по правительству и не давал себе никакого труда скрывать это. Меншиков издевался над ничтожным министром финансов Вронченко, понятия не имевшем о финансах вообще и о русских финансах в частности, хотя сам он был точь в точь так же подготовлен к управлению морским министерством, Финляндией, армиями и флотами, как Вронченко к руководству финансами Российской империи. Меншиков остерегался лишь затрагивать царя, делавшего подобные назначения, но тем более беспощадно издевался над его креатурами, над их холопством, казнокрадством, тщеславием, тупостью, бесчестностью. О министре путей сообщения Клейнмихеле он утверждал, что тот совсем уже сговорился продать свою душу чорту, но сделка, к огорчению обеих договаривающихся сторон, разстроилась, ибо никакой души у Клейнмихеля вообще не оказалось. Киселева, министра государственных имуществ, Меншиков предложил послать на Кавказ, где нужно было разорять враждебные аулы, потому-де, что никто не умеет так дочи́ста разорять деревни и села, как Киселев, доказавший это по всей России.

Иностранные дипломаты очень прислушивались к этим остротам и выходкам князя.¹ Военный министр Александр Иванович Чернышев, долгие годы вместе со своим помощником, а потом преемником Василием Долгоруковым разрушавший боеспособность русской армии, ненавидел Меншикова за то, что на вопрос княгини Чернышевой: «Не помните ли, как называется город, который взял Александр?» — Меншиков быстро ответил: «Вавилон!», притворяясь, будто он думает, что его спрашивают не об Александре Чернышеве, но об Александре Македонском, хотя знал отлично, что жена Чернышева желала, чтобы вспомнили о городе Касселе, куда Чернышев вошел в условиях полнейшей безопасности в 1813 г., во время похода русской армии в Германию. Этого «Вавилона» Чернышев не простил Меншикову до гробовой доски.

Меншикову справедливо казались смешными претензии

¹ L. A. Léouzon le Duc, *La Question russe*. Paris, 1853, p. 32.

Чернышева на полководческие лавры, но ему нисколько не показалось смешным, что сам-то он внезапно попал, не имея на это ни малейшего права по своим данным, в верховные вожди русских сухопутных и морских сил, да еще в один из самых грозных моментов в истории русского народа и именно в наиболее угрожаемом пункте империи. Впрочем, это и в самом деле было вовсе не смешно, это было трагично.

Еще до нападения союзников на Севастополь в Петербурге ни для кого, кроме царя, не было тайной, что такое Меншиков как морской министр.

«Рассказывают, будто бы ваша светлость своим управлением погубили Балтийский флот и что если и делается что-либо хорошее в Черном море, то сим обязаны Лазареву, а в настоящее время Корнилову и Нахимову. Сии клеветы, одобряемые управляющим министерством, довольно сильно распушены в публике. В числе главных деятелей по этой части находится Матюшкин».¹ Адмирал Матюшкин, благороднейший человек, один из любимейших лицейских товарищей Пушкина, тот, кому посвящены такие сердечные две строфы в бессмертном «19 октября» 1825 г., разумеется, не мог не быть принципиальным врагом Меншикова, не мог не возмущаться и этим лукавым царедворцем, и его клеветами и прихлебателями, и всеми методами его хозяйничанья во флоте.

Мы уже видели, как безучастен был Меншиков в октябре-ноябре 1853 г., когда Нахимов следил в море за турецким флотом. Теперь, в конце лета 1854 г., гроза уже шла прямо на Севастополь. Как же Меншиков готовился встретить ее?

Уже с того дня, как союзный флот вошел 3 января 1854 г. в Черное море, Одесса, Севастополь, Николаев — все форты восточного берега Черного моря оказались под угрозой не только прямого нападения, но и немедленной гибели, потому что решительно ничто не было готово к обороне. Бомбардировка Одессы в апреле 1854 г. тоже ничуть не заставила взяться за дело.

Если севастопольская драма началась не в марте, а только в сентябре 1854 г., то это произошло прежде все-

¹ Военно-морской архив, фонд Меншикова, папка 112, № 25. Краббе — Меншикову, 29 апреля 1854 г.

го потому, что союзников задерживали опасения за турецкую армию на Дунае. Но вот, под давлением нараставшей угрозы со стороны Австрии, Николай дал свое принципиальное согласие на снятие осады с Силистрии, и Паскевич, получив письмо императора, как мы видели, мгновенно этим согласием воспользовался. Русская армия ушла за Дунай.

С этого момента руки у французов и англичан были развязаны. Уже можно было думать не о защите Турции от России, но о прямом нападении на русскую территорию. И мы уже видели, как была решена и проведена высадка союзников близ Евпатории.

II

Любопытно отметить, что еще в середине лета главнокомандующий Меншиков временами видел грозящую опасность. Меншиков доносил Николаю 29 июня (11 июля) 1854 г., что среди опасностей, угрожающих Крыму, он считает также и «покушение на Севастополь» и уничтожение Черноморского флота. Он предполагал, что неприятель может высадить до 60 тысяч человек, не считая турецких войск. А для обороны у Меншикова было 22 700 человек пехоты, 1128 человек кавалерии и 36 легких орудий, да еще он мог бы собрать с кордонов 500 или 600 казаков. Вывод князя был очень пессимистичен: «Против внезапного нападения Севастополь, конечно, обеспечен достаточно временными своими укреплениями. Но противу правильной осады многочисленного врага и противу бомбардирования с берега средства нашей защиты далеко не соразмерны будут с средствами осаждающего.. Мы положим животы свои в отчаянной борьбе на защиту святой Руси и правого ее дела».

В том же духе писал тогда Меншиков и на Дунай Горчакову.

«Любезный князь, из Петербурга, Варшавы и Вены меня извещают, что главные силы англо-французов направляются против Севастополя, как к главной цели войны, состоящей в намерении истребить здешнее адмиралтейство и уничтожить Черноморский флот. И приказание и долг повелевают мне защищать их до последней капли крови, но вместе с тем предвижу, что буду раздавлен и